

ПСИХОЛОГИЯ ВЫБОРА КАК МЫСЛИТЕЛЬНОЕ И ЛИЧНОСТНОЕ ОПОСРЕДСТВОВАНИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

© 2016 г. Т. В. Корнилова

*Доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии
факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва*

Статья является ответом на публикации Д.А. Леонтьева в № 5 и № 6 “Психологического журнала” за 2014 г. Статья посвящена дискуссионным вопросам психологии принятия решений и выбора. В ней обосновывается, что нельзя подменять предпочитаемой исследовательской парадигмой онтологию выбора, приписывая ему статусы рационального–иррационального, простого–смыслового и т.д. Методологически спорно связывать выделение предмета психологии выбора с апелляцией к самонаблюдениям авторов, писавших о свободном выборе в исторически иные эпохи. К ситуациям закрытых задач, в которых выбор обеспечивается свернутыми структурами, трудно применить термин “внутренняя деятельность”. Он правомерен лишь в самом широком смысле субъективного статуса психического: выбор осуществляется во внутреннем плане. Выражается несогласие с выборочным представлением исследований в первой из двух статей, упускающим всю проблематику мыслительного опосредствования выбора, что искажает современную психологию выбора. Критерий исполнения обсуждается как недостаточный для выделения выбора из системы других психологических конструктов и не разграничивает феномены принятия решения и выбора. Показано, что в современных исследованиях психологическая регуляция выбора представлена и мыслительным, и личностным опосредствованием. Прилагаемые при выборе усилия отражают не только энергетические затраты, но и новообразования субъекта. Оценка “простоты” (или сложности) с точки зрения внешнего наблюдателя не может раскрывать ту задачу, которая решается человеком при выборе как преодоление субъективной неопределенности (во всей множественной детерминации целеполагания). Личностное самоопределение лежит в основе репрезентации субъекту его выбора как личного, авторского решения. В крайних точках это может быть и решением задачи на смысл и формальным принятием условий выбора.

Ключевые слова: выбор, принятие решений, рациональность, иррациональность, мышление, личностное опосредствование, усилие.

Я много лет читаю студентам курсы по психологии неопределенности, принятия решений и риска; пропустить без анализа для них статью, которая открывает по теме выбора раздел теоретических и методологических проблем в ведущем научном журнале, было бы неверным, поскольку термины принятия решений и выбор представлены в современной литературе в качестве синонимичных. Мною представлен взгляд на отдельные ее аспекты именно в контексте общей дискуссии. Статья вышла в двух частях [21, 22], и они вызвали разное отношение. Мои оценки субъективны в том смысле, что заданы иными точками опоры в теоретическом мире психологии [12–16, 43–46, 48–53; и др.]; но ведь в дискуссии и предполагается акцентуация разногласий.

Поскольку в дискутируемой статье сделана заявка на теоретический анализ современного

состояния проблемы выбора в психологии, можно было ожидать представления ряда современных теорий, моделей и исследований выбора и принятия решений. Однако в ней содержательно раскрывается все же один – авторский – подход к выбору; другие либо лишь указываются, либо, как, например, модель В. Лефевра, не обсуждаются с точки зрения вклада в развитие современной психологии выбора (здесь повезло позиции В.А. Петровского). Эмпирические данные приводятся также преимущественно в контексте защищаемого подхода. Описанные во второй части статьи взгляды о личностном опосредствовании выбора также представлены как авторский подход, хотя сходные позиции развиваются и в других концепциях выбора, на других теоретических основаниях. Практически все положения о лично-

стной цене выбора, высказанные во второй части статьи, вызывают их позитивное принятие; именно так мы с коллегами раскрывали связь выбора с личностным самоопределением [5, 16, 19, 36–38; и др.]. И большая часть дискуссионных возражений относится к первой части статьи.

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Общность понятий *выбора* и *принятия решения* задана их ключевой характеристикой – разрешением ситуации субъективной *неопределенности*. Это признается в начале статьи Д.А. Леонтьевым, и с этим спорить не приходится. Другое дело – попытка разделить эти два понятия и дать авторскую типологию выборов: простые, смысловые и экзистенциальные; рациональные и иррациональные. Ни то, ни другое не соответствует современным представлениям о предмете изучения, охватываемом понятиями выбора и принятия решения, о которых можно судить по обобщающим обзорным статьям, современным теоретико-эмпирическим исследованиям и книгам, представляющим эти темы учебными курсами в университетах. В них выбор человека связывается с регуляцией его целями и ценностями, актуалгенезом интеллектуальных и эмоциональных процессов [5, 41–46, 49–53; и др.], отличается от поступка как реализации важных жизненных целей, а также от “ментальных автоматизмов” как проявляющих неосознанные клише саморегуляции.

Начну с общего замечания, относящегося к апелляциям (в обеих статьях) к Аристотелю и Кьеркегору как якобы представляющим тематику психологии выбора, что выглядит неубедительно. Хотя и здесь важны отличия в том, в какой степени можно связывать их взгляды с психологией выбора. О сходстве с современным пониманием можно говорить лишь только при отбрасывании взгляда назад, условно, поскольку нет оснований реконструкции переходов от них к выделению сложившихся в психологии предметов изучения психологической регуляции выбора. То, что Аристотель считал синонимичными понятия выбора и решения, а также связывал выбор с рассудительностью и сознательностью, вполне укладывается в современные представления. Выбирать можно между гипотезами, действиями, альтернативами решений и т.д. [14, 43]. Но неверно было бы считать, что именно его работы положили начало выделению принятия решения или выбора в качестве предмета современной психологии. Другое дело,

что его взгляды вошли в культурные предпосылки новоевропейского мышления, с которым в век Просвещения связано становление науки на классическом этапе ее развития. Нужно помнить, что этот этап означал как раз отказ от аристотелевского взгляда на понятие причинности, введение в науку вместе с экспериментальным методом нового понимания причины – как воздействующей (чего не было у Аристотеля), а причинно-действующие условия выступили средством проявления закона, причем также в его новом понимании – использования идеальных объектов, а в психологии – соответствующих этому новых понятий – квазипотребности, кондиционально-генетических законов и проч. [17].

В отличие от аристотелевских, взгляды Кьеркегора, популяризируемые сегодня в отечественной психологии, не осваивались в каких-либо направлениях выделения психологической науки из философии и метафизики. И если в рамках религиозного мировоззрения постулируются положения, которые находятся в согласии с концепциями в современной науке, то из этого не следует, что они были предпосылками, как и не следует, что апелляция к ним что-то проясняет в психологии выбора. Личные прозрения не могут заменять психологического анализа, иначе психологию творчества, например, можно было бы оставить на откуп самоотчетам Творцов. Роль данных *самонаблюдения* на методологическом уровне обсуждалась в отечественной психологии [28], и здесь мне добавить нечего.

Я разделяю сформулированный Л.С. Выготским взгляд на соотношение научной психологии и метафизики [7]: поиск сущностей (а именно они демонстрируются приведенными красивыми цитатами из Кьеркегора в отношении выбора человека) не может выступать основой выделения предмета в научной психологии. Выделение предмета включает и аспект реализуемого метода [17], принципиально различающихся в научном познании и метафизике.

Не только обращение к историческому прошлому несколько запутывает понимание предмета изучения. Если помнить о методологии науки на ее определенном уровне – философских предпосылок, – то цитируемые Д.А. Леонтьевым взгляды М.К. Мамардашвили характеризуют переход к *неклассическому идеалу рациональности* – с новым пониманием континуума бытия–сознания, множественной системной детерминации, самоопределения человека и т.д. [17, 25]. Остается вопросом, каким образом можно сопоставлять разделенные не просто веками, а основными прин-

ципами отношения к человеку (в том числе к его осознанному и ответственному выбору) воззрения столь разных мыслителей, как Аристотель и Мамардашвили.

Развивая идею психологии неопределенности, я несомненно принимаю взгляды философа, давшего совершенно новое понимание методологии психологии при чтении соответствующего курса на факультете психологии МГУ и, в частности, сформулировавшего принцип неопределенности в том его виде, который стал общенаучным и вошел в качестве конкретно-научного и в психологию [10, 16]. Обращения к положениям Мамардашвили о необходимости вернуть уважение человеку думающему (“додумывающему” свои мысли [24]), о живом как связанном с риском, о возможном в мышлении, о личностном самоопределении стали методологическими предпосылками концепции множественной динамической (функционально-уровневой) регуляции решений и выборов думающей личности [15, 16, 19]. И мне кажется, что в апелляции автора дискутируемой статьи к наследию этого философа явно присутствует ошибка “пропущенных звеньев”: не сформулированы те имплицитные представления, которые позволяют апеллировать одновременно к столь разным именам и взглядам, которые в тексте выглядят – в силу отсутствия должных обоснований – внешне рядоположенными и не вписывающимися в какое-то единое представление о выборе, определению которого и посвящена статья.

Пора перейти и к статусу определений. М.К. Мамардашвили в ответ на вопрос тогдашних студентов, нельзя ли сначала дать определения понятиям, которые используются, прежде чем идти в лекции дальше (мы были искренни в своем начальном непонимании его рассуждений, которое приходило позже), отвечал примерно следующее. Понятия задаются системой их применения (это было практически полное соответствие взглядам Выготского о соотношении научных и житейских понятий, что уже освоено в психологии мышления), и значит, только после того, когда мы пройдем всю лекцию, нам станет понятно, что стоит за теми или иными – новыми для нас – понятиями.

Принимая такую позицию, можно согласиться с тем, что именно определения выбора в первой статье не появилось; но личное понимание термина ее автором прописано при этом четко. Оно вполне вырисовывается в контексте общегуманитарных рассуждений: с апелляцией к кросскультурным исследованиям, цитатам из хорошей литературы, общенаучным (но не психологическим) представлениям о рациональности и иррациональности и

т.д. И это несомненный талант автора – представлять таким образом свои взгляды.

Сегодня вообще становится заметной тенденцией в увлекательной форме обращаться к не отягощенному специальными знаниями читателю с представлением своих позиций. Так популяризирует свою концепцию Д. Канеман в последней книге [12], несомненно, более доступной читателю, чем его совместные с А. Тверски академические статьи [13]; более доступными становятся взгляды К. Двек об имплицитных теориях интеллекта и личности в их научно-популярном изложении [8], и ряд примеров может быть продолжен [3; и др.]. Но в названных изданиях содержание защищаемых подходов не вводит в заблуждения относительно представляемого предмета. Заблуждения, которые могут возникнуть при чтении обсуждаемой статьи, связаны с тем, что выбор в ней противопоставляется принятию решения, что он лишается статуса мыслительного опосредствования и ему приписывается в качестве обязательного критерий исполнения, что рациональность и иррациональность выбора используются в не психологическом наполнении содержания этих терминов. Попробую пояснить.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ

О метафорических смыслах термина “выбор” говорить не буду. Начну с повторения терминологии. В зарубежных психологических исследованиях понятия *принятия решений* и *выбора* функционируют в облики двух основных терминов – *Decision making* и *Choice*. Причем в одной и той же книге или статье в название может включаться один термин, а преимущественно используемым являться другой [42, 43]. *Decision making* как выбор в условиях закрытых ситуаций с неопределенностью (объективной или субъективной) противопоставляется *problem solving* – решению проблем, что в психологии мышления соответствует ситуациям открытых задач. Именно для последних предполагаются поиск неизвестного искомого и рассматриваемые в психологии мышления стратегии целеобразования и гипотезостроения, использования знаний и формирования новообразований, анализ через синтез и т.д. (А.В. Брушлинский, О.К. Тихомиров, А.М. Матюшкин – список имен в области исследований решения задач как *problem solving* может быть продолжен).

Термин *choice* чаще применяется в тех исследованиях, где не предполагается возможности изменения ситуации интеллектуальными или личностными усилиями человека, где речь идет,

в частности, о ситуации шанса, а от человека не зависит, какой шанс ему выпадет (например, в рулетке).

Но *choice* – это также термин из литературы по проблеме свободы выбора. И его применение не является прерогативой только экзистенциальных подходов (или экзистенциального выбора), как это может показаться после прочтения второй дискутируемой статьи. Контексты связей с другими понятиями и реализуемый метод исследования вполне раскрывают, о каком выборе идет речь. Ведущим для этого термина у автора выступает критерий *исполнения* принятого решения. Последнее правомерно только в том случае, если выбор рассматривать по отношению к *волевой* регуляции. Здесь все обращаются либо к классическому примеру “перейти Рубикон”, либо к примеру ситуации “буриданова ослы”. Как проблема воли связана с личностным самоопределением, хорошо конкретизирует В.А. Иванников в своих последних работах [11]. Сейчас более важен другой аспект: включение в характеристику выбора этапа его исполнения – принятое решение якобы переходит в выбор, только когда реализуется в практической деятельности. Если говорить об исполнительской части волевого решения, то да. А вот если говорить о принятии интеллектуальных решений, моральных выборах и других видах разрешения ситуации неопределенности выбором, или решением, то нет: исполнение решений выделяется как отдельный этап действий, причем часто выполняемых другими людьми (например, юридические решения [41]).

Ю. Козелецкий, который связал анализ исполнения выбора с *праксиологической* парадигмой, представил этапы деятельностного опосредствования принятия решений (ПР) следующим образом: 1) создание субъективного представления о задаче; 2) оценка последствий выбора каждой альтернативы; 3) прогнозирование условий, определяющих последствия; 4) собственно выбор из альтернатив [14]. Именно эти этапы характеризуют выбор как этап принятия решений. В этой и других работах анализ практических воплощений решений связывается только с одной из парадигм в исследовательских подходах – с *праксиологической*, сосуществующей наряду с *когнитивной* и *мотивационной*, но не подменяющей последние. Терминологически *воля* и *выбор* предстают в разных содержательных контекстах, и было бы ошибкой считать выборами только практически реализованные решения; это обосновывалось еще О.К. Тихомировым в главе монографии, посвященной разведению понятий воли и принятия

решений [18]. Таким образом, критерий исполнения выбора относится к суженному пространству выборов, охватываемых праксиологической парадигмой.

Для демонстрации последней действительно интересны приводимые Д.А. Леонтьевым примеры, когда человеком называется одно решение, а реализуется другое: это может означать, что в момент сообщения решения еще не окончилась динамика выбора. Другие интерпретации указанного несоответствия – в рамках когнитивной парадигмы – рассматривают Ю. Козелецкий и Д. Канеман, обсуждая факторы, влияющие на феномен несоответствия оценки предпочитаемой альтернативы и реально выбираемой [14, 27]. Итак, исполнение может служить критерием совершенного выбора, но этот критерий не может заменить критерий психологических оснований *предпочитаемого* или *совершающегося* выбора, который внешне не реализован. Поэтому и возникает проблема определения того, действительно ли состоялось принятие решения; ведь если оно осуществляется во внутреннем плане, то для внешнего наблюдателя это всегда вопрос – определить, когда и какое решение принято. Одним из вариантов выступает сообщение о нем другим, например, в записи.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ ВЫБОРА

Продолжу перечень положений статьи, которые выглядят дискуссионными. Приведу две цитаты и возникающие в связи с ними возражения.

Первая: “Практически во всех исследованиях ПР его процессы описываются как принципиально рациональные, во всяком случае в их оптимальной форме...” [21, с. 7]. Последнее можно сказать только относительно непсихологических моделей рационального выбора (в частности, МОП – моделей ожидаемой полезности), где отсутствовал человек как субъект решения, а выбор осуществляло парадоксально звучащее “безличностное” ЛПР (“лицо, принимающее решение” [26, 34]). В отличие от поиска оптимизирующих стратегий в азартных играх или моделях экономического поведения, в психологии именно *мышление* рассматривалось как опосредствующее выборы. Логик В. Бирюков и психолог О. Тихомиров в большой статье в качестве послесловия к книге Ю. Козелецкого детально проанализировали отличие психологических стратегий от предполагаемых логикой или дискурсивных (в этом

смысле – рациональных) стратегий принятия решений [4]. Положение о том, что принципиально неверно сводить мыслительное опосредствование к непсихологическому пониманию рациональности (или логикам оптимизации выборов), стало ведущим в современной психологии выбора, о чем свидетельствуют детальные обзоры [46, 48–52]. Более того, и в тех областях (скажем, в экономике), где ранее функционировали нормативные модели [26], сегодня обсуждается произошедшая смена парадигмы – в сторону когнитивных исследований и обращения к психологии выбора. “Прспективная” теория Д. Канемана и А. Тверски разрабатывалась вначале в ориентировке на выделение идеальных стратегий, но их психологические исследования продемонстрировали иное: несоответствие эмпирически выявляемых стратегий нормативным [12, 13, 53].

Психология мышления давно прошла тот путь, который вел от предположений о рациональных основаниях выбора к изучению его психологической регуляции как мыслительному и личностному опосредствованию. И применительно к принятию решений еще в 1976 г. [31] был определен критерий классификации их видов по преимущественно опосредствующему процессу; соответственно можно выделять интеллектуальные, эмоциональные, волюнтаристские и прочие выборы, но не “рациональные” или “иррациональные”. И дискурсивный анализ, и интуитивные процессы, и эмоции опосредствуют выбор человека [18, 19, 43–47, 49, 51–53; и др.]. И потому странной сегодня выглядит *вторая цитата*: “И рациональные, и иррациональные процессы ПР объединяет то, что речь идет об оперировании ментальными репрезентациями в сознании субъекта (в широком смысле слова), о решении познавательной задачи, конечным звеном которого служит получение правильного или оптимального решения в форме итогового суждения. Выбор же не сводится к плану ментальных репрезентаций” [21, с. 7].

Вторая фраза в этой цитате действительно правомерна, и я не знаю психолога, который бы стал дискутировать с ее содержанием. Но вот первая неизвестно к каким теориям относится; даже в когнитивных теориях не предполагается, что есть правильное и неправильное принятие решений; даже в непсихологических моделях оценивается в лучшем случае соответствие реализованной стратегии ожидаемой нормативной модели, но не “правильность” выбора. Выбор человеком совершается осознанно и регулируется его целями и ценностями. Апелляция же к

ментальным репрезентациям – контекст всей когнитивной психологии, и он не отражает специфики именно выбора, пока не устанавливаются характерные для ситуации неопределенности (в закрытых задачах) особенности этих репрезентаций.

Важно отметить, что при принятии решения человек если и стремится к “правильному” решению, то к “правильному для себя” (с авторской позиции личностного Я), т.е. к приемлемому для себя лично решению (что представлено, в частности, в теории удовлетворенности Г. Саймона и Ю. Козелецкого, которой не оказалось в рамках обсуждения “правильных” решений [29]). Более того, именно критерий ощущаемой (переживаемой) человеком удовлетворенности своим выбором заменяет характеристику адекватности выбора, дающуюся со стороны внешнего наблюдателя [27]. Термин же “правильное” принятие решения практически не используется в психологии; в ней говорят скорее о “хороших” и “плохих” выборах, поскольку неопределенность характеризует в первую очередь критерии субъекта выбора, которые не могут быть правильными или не правильными, но могут оцениваться в качестве таковых *post factum*, да и то только в случае, когда субъект решения или внешний наблюдатель могут проследить последствия решения, причем с позиции новых знаний о ситуации выбора. Так, в психологии хорошо известна ошибка “обратного мышления”, когда люди, в будущем получающие сведения о том, что было неизвестно человеку, принимающему решение “здесь и сейчас”, могут оценить решение как неверное [14]. Но по отношению к той ситуации, в которой он совершался человеком, выбор (из поля возможных альтернатив) не может оцениваться как правильный или неверный, если человек исходил из всех возможностей доступной ориентировки и возможного – для условий “здесь и сейчас” – прогнозирования. Другое дело – недодуманное решение. Именно неумение “додумывать” мысли ставилось в вину российской интеллигенции М.К. Мамардашвили [24].

Д.А. Леонтьев здесь не называет тех, кто в психологии якобы сводит выбор к планированию и принятию решения в классическом представлении о рациональности. Д. Дернер, автор исследований комплексных динамических проблем и идеи “сетового мышления”, применительно к анализу стратегий принятия решений дал остроумный эпиграф к одному из параграфов в своей книге [9]: планы создаются, чтобы не следовать им; в этом смысле все решения “нерациональны”.

Начиная с работ Г. Саймона и Ю. Козелецкого и до теории экологического интеллекта Г. Гигеренцера¹ [40] интеллектуальные стратегии при выборе (или ПР в условиях закрытых задач) не рассматриваются в их психологической регуляции в рамках лишь ментальных репрезентаций, “планов” или логики рассуждений. Обсуждаются влияния образа задачи и формата представления данных о ситуации, различные эвристики (как “ловушки ума”, или когнитивные иллюзии²) и средства поддержки принятия решений, но не рациональные стратегии в классическом понимании рациональности, уступившей место *ограниченной, аксиологической* и прочим видам рациональности [12, 14, 29, 40, 45].

В контексте использования метафор как предложенного приема, я могла бы охарактеризовать как борьбу с ветряными мельницами противопоставление выбора принятию решений, к тому же в контексте поиска “правильных” решений, да еще с планированием и “рациональными” стратегиями. И такая “борьба” выглядит следствием того, что попытка задать критерии конструкта “выбор” осуществляется безотносительно к содержательному анализу функционирования этого понятия в других концепциях, т.е. в современном теоретическом мире психологии. Такой автор, как Д. Канеман, называется вскользь – в контексте того, что не охватывается его подходом, а не того, что есть в этом подходе. То же касается такого автора, без которого трудно представить сегодня область исследований морального выбора, как Л. Колберг: нет анализа предложенных им стадий психологической регуляции выбора, но есть критика примененного им материала вербальных задач. Взгляды на связь интеллектуального и личностного потенциала в регуляции выбора, согласно Колбергу, вообще не затронуты, хотя именно

эта концепция наиболее близка представлениям отечественной психологии о вершинных уровнях личностной регуляции выбора и о единстве интеллекта и аффекта [2, 19, 44].

Анализ эмпирических данных в современных исследованиях ограничен в первой статье исследованиями влияния культуры на “конструирование” выбора (включая контекст самодетерминации в теории Райана и Деси). Этот интересный параграф вполне мог бы составить отдельный текст, поскольку посвящен более широкому, чем при выборе, контексту регуляции поведения. Без этого параграфа в первой статье остаются три работы самого Д.А. Леонтьева с соавторами как представляющие современный срез эмпирических исследований; но нельзя согласиться, что ими и ограничена область психологической регуляции выбора.

Термин “конструирование” выбора в статье не определяется. Сначала он возникает как связанный с включенностью факторов культуры в регуляцию выбора – в метафоре “надстроек по умолчанию” (для которых в кросскультурных исследованиях применяется устоявшаяся терминология – контекстных переменных, проксимальных–дистальных стимулов), а потом используется взамен представлений о тех процессах, которые заданы в литературе как опосредствующие выбор.

Таким образом, трудно было бы согласиться с тем, что поставленная цель – анализа состояния проблемы в современной психологии и определения понятия “выбор” – достигнута. Конечно, авторы разных статей отразили бы в подборе соответствующих работ свои предпочтения; и с метафорами странно спорить – они направлены на прояснение позиции автора; но нельзя согласиться с подменами психологических понятий непсихологическими (“рациональный выбор”) и использованием слов, вообще не соотносенных с терминологией, представляющей этапы и психологическую регуляцию выбора (как термин “конструирование”, который функционирует и применительно к техническому творчеству). Подзаголовок этой части – “За пределами рациональности” – выглядит тем самым не адекватным ее содержанию, коль скоро именно подходы к интеллектуальному опосредствованию выбора за пределами логически понятой рациональности в ней не представлены, хотя хорошо разработаны в современной психологии [37, 39, 43, 51, 52].

¹ Приведу одну из возможных цитат этого ведущего европейского автора в психологии принятия решений и риска: “Концепция экологической рациональности эвристическая позволяет объяснить рациональность *Homo Sapiens* независимо от оптимизации и логических норм, через соответствие мыслительных процессов и окружающей среды. Изучение экологической рациональности облегчает понимание некоторых контринтуитивных феноменов, включая, к примеру, те ситуации, когда один признак лучше множества, когда меньшее становится большим, и когда частичная неосведомленность выигрышна” [45].

² Что в понимании Тверского–Канемана обеспечивает систематические отклонения от “нормативной” рациональности или в подходе Гигеренцера рассматривается как адаптивные инструменты, обеспечивающие “экологическую рациональность”.

ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕИНТЕРПРЕТАЦИИ СВЯЗЕЙ ПСИХОЛОГИИ ВЫБОРА С КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИМ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫМ ПОДХОДАМИ

Хотя в статье кратко обозначены подходы Л.С. Выготского к орудийному опосредствованию выбора и к пониманию внутренней деятельности у Ф.Е. Василюка, трудно согласиться с рассмотрением их в качестве предпосылок только представленной авторской концепции; обращение к культурно-исторической психологии стало отправной точкой и для других концепций. Поскольку возможные связи деятельностного подхода и культурно-исторического подхода к психологии выбора, в частности, как переход от морфологической к динамической парадигме, с позиций идеи единства интеллекта и аффекта и модели множественной регуляции выборов и решений человека мною представлены в специальных работах [15, 16 и др.], я их здесь повторять не буду, а укажу только основные положения, имеющие отношение к дискутируемой статье.

Аспект *переживания* был выдвинут Ф.Е. Василюком в качестве характеристики личностного выбора [6]. Но с формальной точки зрения выбор и здесь представлен действием субъекта, посредством которого он отдает предпочтение одной альтернативе перед другой, как это предполагается и другими авторами [14]. В отличие от других концепций “жизненных миров”, в работе Василюка новым выступило не разделение по дихотомиям простой–сложный и внешний–внутренний (миры), а апелляция к решению “задачи на смысл” – термина, который в концепции А.Н. Леонтьева [20] вводит систему жизненных отношений, а здесь используется для такого понимания конфликтности ситуации, который отражает необходимость самому человеку доопределять, между чем и чем ему собственно следует выбирать³.

Отвлечение от сложности мира, удержание сложности мира, актуализация ценностей – эти действия новы с точки зрения предполагаемой их психотехнической актуализации, но не с точки зрения полагания новых – не описанных ранее – процессов ориентировки человека в личностных основаниях выбора или критериях приемлемости альтернатив. Следующий шаг – этап “оценки альтернатив” – уже просто классический (следующий

за этапом принятия проблемы) этап выбора как “решения”, или перехода между инстанциями сознания (предпочтения альтернатив) и воли; он сопоставим с выделяемым в других моделях, в первую очередь в понимании деятельности по принятию решений Ю. Козелецким.

Вводя термин внутренней деятельности в обоснование того, что выбор – это деятельность, Д.А. Леонтьев апеллирует к названному подходу Василюка. Но психотехнический подход, апеллирующий к *смысловым* основаниям выбора, в основе предложенной модели оказывается, во-первых, нацеленным на нормативный подход (построение идеальной модели “чистого” выбора). Во-вторых, в его этапах представлены все те прежние составляющие: принятие проблемной ситуации, выявление личностных критериев, оценка альтернатив, прогнозирование личностной цены (жертв), собственно решение – что и в других психологических теориях. Отличием является только оставление рассудку и разуму второстепенных (по отношению к “переживанию”) функций.

Вопрос о связи психологии выбора с деятельностным подходом может решаться по-разному. Б.Ф. Ломов обращался к факторам мотивационной регуляции [23]. В то же время К. Абульханова-Славская писала о том, что активность субъекта в виде принятия решения, соответственно и процессы саморегуляции, выведена за рамки деятельностного подхода, не схватывается им [1]. Для нас важным положением выступает то, что теория деятельности – это теория верхнего уровня, которая может выступать методологической платформой, но для построения исследования на ее основе должны эксплицироваться и формулироваться теории так называемого среднего уровня – с конкретизацией о структурных составляющих деятельности применительно к выбранному предмету изучения [17]. В этом аспекте сам факт использования слов “внутренняя деятельность” или “деятельность выбора” еще не свидетельствуют о деятельностном подходе. И утверждение, что выбор может выступать деятельностью, требует более основательных доводов, чем просто приведение автором примера выбора студентами темы курсовой работы, дополняющее ссылку на приведенное рассмотрение понятия внутренней деятельности.

Простому выбору Д.А. Леонтьевым противопоставляются *смысловой* и *экзистенциальный*. Какой психологической регуляцией опосредствует “простой” выбор, остается загадкой. Последние же два вида обычно представлены как виды *личностного выбора*. Отмечу только, что, формулируя в качестве предмета изучения *экзистенциальный* выбор, нужно также иметь в виду, что в психологии

³ Парадоксальность выбора – при ценностном типе жизненного мира, где и реализуется личностный выбор – заключается при этом в необходимости сравнивать несравнимое (внутренне сложный мир включает “уникальные в смысловом отношении мотивы”).

морального выбора сосуществуют когнитивная и экзистенциальная парадигмы [35], то есть термин может быть отнесен не к виду выбора, а к подходу при его изучении. Можно по-разному предполагать и процессы личностной регуляции выбора (мотивационной, смысловой, ценностной), и не снижать роль интеллектуального опосредствования до уровня операторных компонентов.

Вторая часть дискутируемой статьи посвящена экзистенциальным подходам и трансформациям личности в ходе выбора [22]. Но прежде чем перейти к ней, отметим особенности понимания роли отношения к неопределенности и интеллекта в регуляции личностного выбора.

СУБЪЕКТИВНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ОПОСРЕДСТВОВАНИЕ ВЫБОРА

Диспозициональный подход к психологической регуляции выбора реализовывался наряду со *стратегическим* как поиск интеллектуальных и личностных предпосылок предпочтений альтернатив при выборе. Источники субъективной неопределенности могли пониматься по-разному [13, 16, 34]. Отстаивание личностных ценностей рассматривалось как преодоление неопределенности на уровне личностного самоопределения [5], а диалогичность самосознания личности – как один из переходов к экзистенциальному аспекту саморегуляции [19].

На примере образования искусственных понятий О.К. Тихомиров [32] показал, что *исчисляемая неопределенность* и *субъективная неопределенность* в ситуации не совпадают; последняя изменяется с каждым шагом, или выбором в общей стратегии решения. Видимо, именно такую неопределенность, как преодолеваемую развернутыми интеллектуальными стратегиями, связывает Д.А. Леонтьев с рациональностью “простого” выбора. Но и для интеллектуальных стратегий выбора выявляется их смысловая регуляция, мотивационная, целевая [16, 19, 36]. “Простым” в противопоставлении “смысловому” мышление не бывает: в его актуалгенезе обязательно представлены процессы целеобразования и смыслообразования, редуцируемые, если речь идет только о применении знаний в стандартной (знакомой, определенной) ситуации.

Поскольку ситуация выбора заведомо определяется как ситуация неопределенности, удивляет, что в статье не затронуты как аспект преодоления неопределенности, который связан с креативно-

стью, мудростью и продуктивными решениями, так и аспект, предполагающий рассмотрение принятия решений в качестве “горячих” процессов – в отличие от “холодных” (например, использования знаний) – именно потому, что личность в ситуации выбора не только осознает, но и *переживает* ситуацию неопределенности и возможные последствия своего выбора. Причем оценка последствий предполагается не только для возможных изменений ситуации выбором той или иной альтернативы, но и последствиями для собственного Я – как личностной цены принятого решения [5, 16; и др.]. Именно в последнем аспекте возникает выражение “личность делает себя своими решениями”.

Личностная регуляция при этом неразрывно связана с интеллектуальным опосредствованием выбора. В исследованиях М.А. Чумаковой было показано, что смыслообразующая функция мотива включается в регуляцию выбора в зависимости от уровня интеллекта [37]. Г. Гигеренцер обосновал, что за моральными интуициями могут вскрываться свернутые интеллектуальные стратегии [41]. При изучении выбора на материале моральных дилемм демонстрируется необходимая составляющая вклада интеллекта, которая взаимодействует (что демонстрируется в структурных моделях) с латентными переменными Принятия неопределенности и риска или Интолерантности к неопределенности [44].

В психологических исследованиях трудно найти противопоставление *рационального* и *иррационального* как связываемых только с рассудочным или смысловым выбором. *Рацио* и *эмоции* рассмотрены как основания морального выбора М. Хаузером, которым проведены линии от современных исследований к кантовскому и юмовскому человеку (человеку с большим разумом или большим сердцем) [33]. Ложность дихотомии рационального–личностного выбора при охвате ведущих современных концепций уже достаточно обоснована [16, 37]. В этих и других работах показано, что изучение ценностной и смысловой регуляции выбора не может представлять целостную картину, если не учитывается его мысленное опосредствование. Для любых типов выбора прослеживаются разные подходы, выделяющие те или иные аспекты регуляции. Достаточно посмотреть названия параграфов в книге гарвардских коллег: Сценарии о нас самих, Сценарии о немыслимом, Осмысленный выбор, Бессознательный выбор, Эмоции в принятии решений, Иллюзия гедонистической определенности, Жизнь с неопределенностью и т.д. [43]. Когнитивные структуры, конечно, включены в понимание рационального

выбора, но с оговоркой, что в это включаются все, в том числе и интуитивные механизмы когнитивного оценивания в ситуации неопределенности.

Исследования суждения и принятия решения (*JDM – judgment and decision making*) долгое время были направлены на построение математических моделей функциональных отношений. Но и здесь уже давно преодолена дихотомия рационального–иррационального, о чем свидетельствуют ключевые обзоры: по *JDM* [48, 53]; по проблемам рациональности [49, 51, 52], по “нерешённым проблемам” в исследовании решений [43], по изучению эмоций [46] и личностного интеллекта при принятии решений [47] и т.д. Часто цитируемая обзорная статья Вебера и Джонсона [53] прекрасно демонстрирует, что психологические исследования в этой области нацелены на поиск процессов, опосредствующих вынесение суждений и решений, а не сводят их к логике или дискурсивному мышлению.

Не буду апеллировать к проблеме изменений типов рациональности, коль скоро этому посвящена специальная литература [10, 17, 25]. Но хочу отметить, что если речь идет о психологической регуляции выбора, или принятия решения, то и говорить о рациональности можно только в психологических контекстах использования термина. То же касается и иррациональности. Одно дело – иметь в виду положения философии А. Бергсона об интуитивной регуляции выбора всем предшествующим путем развития личности (для меня этот автор более интересен, чем Кьеркегор, именно потому, что от него проложены некоторые мостики к психологическим исследованиям интуиции); другое – иметь в виду психологические подходы к изучению и измерению иррациональности, подытоженные в ставшей наиболее цитируемой за рубежом статье Коэна [39]; третье – предполагать связь интуиции с практическим интеллектом через звено *tacitного* знания в подходе Р. Стернберга [30]. Список подходов к иррациональности как основанных на интуиции решениях может быть продолжен, как и перечень включаемых в регуляцию выбора видов интеллекта – академический, практический, социальный, эмоциональный, личностный, экзистенциальный.

ТИПЫ ВЫБОРОВ

Возможная оценка простоты–сложности выбора связана не только с ситуационными источниками неопределенности или необходимостью проявления личностных свойств (наряду с *толерантностью к неопределенности* важную роль

здесь играет *готовность к риску*). Критерием сложности выбора служат как личностно опосредствованная его целевая направленность, так и опосредствующие его усилия. Усилия отражаются в ощущении “бремени выбора”, в энергетических затратах, но не только в них. Термин “усилие” в психологии принятия решений первоначально выступил именно в качестве *когнитивного усилия* у Д. Канемана, а не энергетического феномена. В разрабатываемой нами множественной функционально-уровневой модели психологической регуляции решений и выборов усилие отражено в специальной шкале выраженности *новообразований*, относящейся к взаимодействиям интеллектуальных и личностных составляющих в актуалгенезе выбора [15, 16]. Усилия включают и контекст личностного самоопределения по отношению к своим ценностям [5, 19].

В ситуации решения моральных дилемм человек использует социокультурно заданные этические нормативы, но способы их личностного освоения (присвоения) могут при этом быть существенно разными. Динамический аспект психотехнической подоплеку прилагемого при выборе усилия очень трудно эксплицировать в исследовательской ситуации; вместе с тем она здесь и составляет психологическую основу взвешивания альтернатив. Любая такая дилемма ставит человека в ситуацию *самопознания и конструирования самоотношения* (здесь я прибегла бы к использованию термина *конструирования*). Средств этой внутренней активности мы не видим. Но назвать это “внутренней деятельностью” правомерно только в самом широком смысле – субъективной репрезентации усилий при принятии решений (отсюда термин “бремя выбора”), а не в контексте заданной в теории деятельности схемы выделения структурных единиц ее анализа.

Ложность предложенной классификации простого и сложного (конкретизируемого как смысловой и экзистенциальный) выборов связана, на наш взгляд, с тем, что в ней не разводятся, смешиваются внешние характеристики ситуации выбора и процессуальное опосредствование его актуалгенеза, которое, несомненно, включает целевые и мотивационно-смысловые процессы, связующие когнитивной и личностной составляющих в его психологической регуляции. Если помнить, что личностные смыслы (в терминологии А.Н. Леонтьева) отражают отношение цели к мотиву, то о смысловой регуляции можно говорить лишь в интерпретационном контексте (применительно к любому осмысленному и жизненно

важному выбору), а не в противопоставлении ее к регуляции “простого” выбора.

К указанным дихотомиям – простого–сложного, рационального–иррационального, деятельностного и не-(вне)деятельностного – нельзя применить критерий психологической регуляции выбора, если не учитывать “субъектных координат” как иерархизации процессов, обеспечивающих его актуализацию (как функциональную и динамическую регуляцию выбора). Эти “координаты” заданы как интеллектуальным потенциалом субъекта, так и личностным; приложенные усилия или внутренняя деятельность – эти предпочтения названий фиксируют, что основной характеристикой выбора является активность субъекта по преодолению неопределенности. И это предметы отдельных исследований – выявление обеспечивающих эту активность процессов, ситуационных и интеллектуально-личностных предпосылок (в сторону тех или иных предпочтений при выборе).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Психологическая регуляция выбора как преодоления условий неопределенности представлена взаимодействием познавательных (мыслительных, когнитивных) и личностных (субъективных, смысловых) факторов, или процессов. Другой вопрос, что разные направления делают ведущим тот или иной аспект рассмотрения психологической регуляции выбора. Для одних авторов это приоритет когнитивный, для других – приоритет смысловой регуляции, для исследователей нашей группы⁴ – фокусирование идеи единства интеллекта и аффекта в модели множественной регуляции выбора, предполагающей единство функционирования интеллектуально-личностного потенциала человека.

Выбор делает человек думающий, но он прогнозирует не только содержательное развитие ситуации вследствие предпочтения им той или иной альтернативы (предпочтения, не всегда переводимого на уровень действенной реализации, т.е. исполнения решения), но и личностную цену принимаемого решения, включая оценку того, “кем я становлюсь в результате такого моего выбора”. Даже если известны альтернативы и заданы критерии выбора, неизвестным остается, какое решение примет конкретный человек, какой критерий окажется ведущим в иерархии возможных

субъективных обоснований выбора. Человек как субъект и автор своего решения обязательно добавляет в ситуацию неопределенности нечто, что не существует в ней самой, и это самополагание в выборе нельзя сводить к одному виду психологического опосредствования (будь то когнитивный, личностный, иррациональный, смысловой или иной контекст оценивания).

Как не бывает выбора без ситуации неопределенности (на любых ее уровнях – от конкретно-ситуационного до экзистенциального), так и не бывает простых или сложных, чисто интеллектуальных или чисто смысловых выборов. Осмысленность выбора (а значит его представленность не только в когнитивном опосредствовании, но и в структурах самосознания), необходимость усилия (при преодолении неопределенности) и отнесенность к “горячим” процессам – общие характеристики выбора, не сводимые к этапу исполнения (хотя этот этап вносит свои новые контексты переживания совершаемого).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
2. Анцыферова Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека // Психологический журнал. 1999. Т. 20 (3). С. 5–17.
3. Бертон Р. Разум VS Мозг: Разговор на разных языках. М.: Эксмо, 2016.
4. Бирюков Б.В., Тихомиров О.К. Послесловие. Принятие решений как предмет методологических и психологических исследований // В кн.: Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979. С. 464–500.
5. Будинайте Г.Л., Корнилова Т.В. Личностные ценности и личностные предпочтения субъекта // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 99–105.
6. Василюк Ф.Е. Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом – гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 283–313.
7. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 291–436.
8. Двек К.С. Новая психология успеха. Думай и побеждай. М., 2007.
9. Дернер Д. Логика неудачи. М.: Смысл, 1997.
10. Завершина Е.Ю. Принципы неопределенности и дополненности в квантовой механике и психологии: проблема методологических заим-

⁴ Сайт: cognitivepsy.ru; Межкафедральная научная группа под руководством Т.В. Корниловой.

- ствований // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2001. № 4. С. 67–77. 2002. № 1. С. 75–80.
11. *Иванников В.А.* Понятие личности в психологии // Вопросы психологии. 2012. № 5. С. 125–131.
  12. *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. М.: АСР, 2014.
  13. *Канеман Д., Тверски А.* Варианты неопределенности / Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. С. 582–594.
  14. *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.
  15. *Корнилова Т.В.* Перспективы динамической парадигмы в психологии выбора // Психологические исследования. 2014. № 3 (11). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 03.01.2016 г.).
  16. *Корнилова Т.В.* Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40(3). <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1111-kornilova40.html> (дата обращения 03.01.2016 г.).
  17. *Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. М.: Юрайт, 2011.
  18. *Корнилова Т.В., Тихомиров О.К.* Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М.: Изд-во МГУ, 1990.
  19. *Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А.* Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.
  20. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
  21. *Леонтьев Д.А.* Психология выбора. Часть I. За пределами рациональности // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 5–18.
  22. *Леонтьев Д.А.* Психология выбора. Часть II. Личностные предпосылки и личностные последствия выбора // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 56–68.
  23. *Ломов Б.Ф.* Математика и психология в изучении процессов принятия решений // Нормативные и дескриптивные модели принятия решений / Под ред. Б.Ф. Ломова и др. М.: Наука, 1981. С. 5–20.
  24. *Мамардашвили М.К.* “Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно...” // Как я понимаю философию. М.: Прогресс, Культура, 1992. С. 126–142.
  25. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
  26. *Нейман Дж., Моргенштерн О.* Теория игр и экономическое поведение. М.: Прогресс, 1970.
  27. *Плаус С.* Психология оценки и принятия решений. М.: Филинь, 1998.
  28. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
  29. *Саймон Г.* Рациональность как процесс и продукт мышления // Альманах *THESIS*. Мир человека. 1993. № 5. С. 16–37.
  30. *Стернберг Р., Форсайт Б., Хедланд Дж., Григоренко Е.Л.* Практический интеллект. СПб.: Питер, 2002.
  31. *Тихомиров О.К.* Принятие решения как психологическая проблема // Проблемы принятия решения. М.: Наука, 1976. С. 77–81.
  32. *Тихомиров О.К.* Структура мыслительной деятельности человека. М.: МГУ, 1969.
  33. *Хаузер М.* Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М.: Дрофа, 2008.
  34. *Шумейкер П.* Модели ожидаемой полезности: разновидности, подходы, результаты и пределы возможностей // Альманах *THESIS*. Риск, неопределенность, случайность. 1994. № 5. С. 29–80.
  35. *Чигринова И.А.* Две основные парадигмы понимания морального выбора в современной когнитивной психологии // Вопросы психологии. 2013. № 6. С. 115–124.
  36. *Чумакова М.А.* Интеллектуально-личностная регуляция в решении задач на конструирование // Вопросы психологии. 2010. № 4. С. 83–93.
  37. *Чумакова М.А.* Личностные предпосылки рационального выбора в условиях неопределенности: Автореф. дисс. ... канд. психологических наук. М., 2010.
  38. *Chumakova M.A., Kornilov S.A.* Individual differences in attitudes towards uncertainty: evidence for multiple latent profiles // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2013. V. 6. № 4. P. 94–108.
  39. *Cohen J.* Can human irrationality be experimentally demonstrated? // *The Behavioral and Brain Sciences*. 1981. V. 4. P. 317–370.
  40. *Gigerenzer G.* Ecological intelligence: an adaptation for frequencies / In: Cummins D.D., Allen C. (Eds) / *The evolution of mind*. N.Y.; Oxford: Oxf. Univer. Press, 1998. P. 9–29.
  41. *Gigerenzer G.* Moral Intuition = Fast and Frugal Heuristics? / In: *Moral Psychology: V. 2. The cognitive science of morality: Intuition and diversity* / W. Sinnott-Armstrong (Ed.), Cambridge, MA: MIT Press, 2008. P. 1–28.

42. *Hastie R.K.* Problems for Judgment and Decision Making // *Annual Review of Psychology*. 2001. V. 52. P. 653–683.
43. *Hastie R.K., Dawes R.M.* Rational Choice in an Uncertain World: The Psychology of Judgment and Decision Making. SAGE Publication, 2010. 2-nd ed.
44. *Kornilova T.V., Chigrinova I.A.* Personal values, moral development, and emotional intelligence in the regulation of choice in situations that involve interpersonal interactions // *Психология. Журнал высшей школы экономики*. 2014. Т. 11. № 4. С. 56–74.
45. *Kurz-Milcke E., Gigerenzer G.* Heuristik decision making // *Marketing JRM*. 2007. № 1. P. 48–60.
46. *Lerner J.S., Li Y., Valdesolo P., Kassam K.* Emotion and decision making // *Annual Review of Psychology*. 2015. V. 66. P. 799–823.
47. *Mayer J.D., Panter A.T., Caruso D.R.* Does personal intelligence exist? Evidence from a new ability-based measure // *Journal of Personality Assessment*. 2012. V. 94. P. 124–140.
48. *Mellers B.A., Schwartz A., Cooke A.D.* Judgment and decision making // *Annual Review of Psychology*. 1998. V. 49. P. 447–477.
49. *Mussel P., Goritx A.S., Hewig J.* Which choice is the rational one? An investigation of need for cognition in the ultimatum game // *Journal of Research in Personality*. 2013. P. 588–591.
50. *Oppenheimer D.M., Kelso E.* Information Processing as a Paradigm for Decision Making // *Annual Review of Psychology*. 2014. V. 66. P. 277–294.
51. *Rogerson M.D., Gottlieb M.C., Handelsman M.M., Knapp S., Younggren J.* Nonrational processes in ethical decision making // *American Psychologist*. 2011. V. 66 (7). P. 614–623.
52. *Shafir E., LeBoeuf R.A.* Rationality // *Annual Review of Psychology*. 2002. V. 49. P. 447–477.
53. *Weber E.U., Johnson E.J.* Mindful judgment and decision making // *Annual Review of Psychology*. 2009. V. 60. P. 53–86.

PSYCHOLOGY OF CHOICE AND DECISION MAKING AS COGNITIVE AND PERSONALITY MODERATED OVERCOMING OF UNCERTAINTY

T. V. Kornilova

*Sc.D. (psychology), professor, psychological department,
Lomonosov Moscow State University, Moscow*

The article is focused on the discussion points pertaining to psychology of choice and decision making. We argue that it is unacceptable to replace the reality of choice with the reality of the preferred experimental paradigms. Self-observation is critically insufficient for uncovering the psychological bases of choice and decision making. The concept of internal activity (hypothesized to mediate choice) only has a broadly defined value in pointing to the well-established phenomenon that choice is realized via a set of internal processes and mechanisms, while the criterion of implementation is wildly insufficient to differentiate choice and decision making or even highlighting the specificity of choice and decision making, compared to other psychological constructs. Reviewed contemporary studies suggest the involvement of cognitive, as well as motivational and personality components in the regulation of choice, while the effort applied during decision making is viewed not only as the literal ‘energy expenditures’ but also as manifesting in new formations. Decision making fundamentally requires overcoming subjective uncertainty, and personal self-definition lies at the core of the representation of choice as personal – i.e., belonging to a particular person.

Key words: choice, decision making, rationality, irrationality, thinking, personality mediation, effort.